

Zoja Kusa

Релгиозное возрождение русской эмиграции

Annales Neophilologiarum nr 5, 41-57

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ZOJA KUCA*

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Я не хотел эмигрировать, у меня было отталкивание от эмиграции, с которой я не хотел слиться. Но вместе с тем было чувство, что я попаду в более свободный мир и смогу дышать более свободным воздухом...

Николай Бердяев

Беженцы, изгои, изгнанники, наконец, эмигранты – так называли тех, кто в результате революционных событий покинул Россию после 1917 года. Из около двух миллионов человек большой процент составила творческая интеллигенция, которая впоследствии получила название «цвет русской культуры». В 1922 году по указу Ленина около двухсот ученых (философы, литераторы, музыканты) были отправлены за границу на пароходе¹. Вождь пролетариата считал, что мыслители, философы, литераторы и вообще ученый контингент не нужен Советской России – с ними невозможно будет строить коммунизм. Ученые составили ядро русской эмигрантской культуры, существенным образом повышая интеллектуальный потенциал эмиграции (Николай Лосский, Николай

* Zoja Kuca – wykładowca w Zakładzie Lingwistyki Stosowanej Instytutu Germanistyki Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie. W czerwcu 2010 r. obroniła pracę doktorską na temat *Świętość i święci w dyskursie kulturowym rosyjskiej diaspory. Proza Borysa Zajcewa (1922–1972)* w Instytucie Filologii Słowiańskiej na Wydziale Nauk Humanistycznych Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Pierwszy krąg jej zainteresowań badawczych stanowi literatura rosyjska, w szczególności spuścizna literacka prozaików pierwszej fali emigracji rosyjskiej. Kolejny krąg zainteresowań stanowi metodyka nauczania języka rosyjskiego jako obcego. Dotychczasowym wynikiem prac z tym związanych jest podręcznik *Język rosyjski w biznesie* oraz kilka mniejszych publikacji. Jest autorką osiemnastu artykułów naukowych dotyczących zarówno literatury, kultury, jak i problematyki glottodydaktycznej oraz translatorskiej.

¹ Н. Струве, *Эмиграция*, в: Н. Струве, *Православие и культура*, Русский путь, Москва 2000, с. 69.

Бердяев, Сергей Булгаков, Петр Струве, Лев Шестов и др.). Это фамилии, которые со временем были на устах не только у русскоговорящих, «они сделались величинами мирового масштаба, а русская философская мысль благодаря их трудам стала частью философской культуры человечества»² – пишет Костиков.

В эмиграции оказались также видные литературные деятели: Георгий Адамович, Ирина Одоевцева, Алексей Ремизов, Борис Зайцев, Иван Бунин, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Марк Алданов, Константин Бальмонт, Михаил Осоргин, Иван Шмелев и критики: Константин Мочульский, Михаил Бахтин, Владимир Вейдле и др.³

Основными центрами русской эмиграции считаются два города – Берлин и Париж, хотя нужно добавить, что для многих беженцев местом поселения, кроме выше указанных городов, стали Прага, София, Харбин, Белград и др. В 1923 году неоспоримым культурным центром русского зарубежья стал Париж, массовое переселение было вызвано многими факторами, одним из них является растущее разочарование эмигрантов другими городами Европы, а также переезд в Париж митрополита Евлогия⁴. В Русском Париже нашли свое место около 200–300 тысяч русских изгнанников⁵, которые стали инициаторами и основателями русских учебных заведений, периодических изданий, культурных кружков, пансионатов и больниц.

В настоящей статье мы постараемся ответить на такие вопросы, как: путь эмигрантов к вере, влияние изгнанничества на их мировоззрение, роль Церкви за рубежом и отражение религиозности в жизни и творчестве представителей русской эмиграции. Мы попытаемся проследить и представить те главные и существенные моменты в жизни изгнанников, которые играли ключевую роль в их обращении к религии. Особое

² В. Костиков, *Не будем проклинать изгнание*, Москва 2004, с. 188.

³ Г. Струве приводит достаточно полный список писателей, художников, политических деятелей и ученых, журналистов, покинувших Россию в 1922 году. См. дет.: Г. Струве, *Русская литература в изгнании*, Нью-Йорк 1956, с. 16–18.

⁴ Многие эмигранты восприняли переезд митрополита Евлогия в Париж символически. См.: А. Млечко, *Литературная, культурная и общественная жизнь русского зарубежья (1920–1930-е годы): течения, объединения, периодика и издательские центры, Литература русского зарубежья (1920–1990)*, под общей ред. А. Смирновой, Москва 2006, с. 13.

⁵ В. Агеносов, *Литература Russkogo зарубежья*, Москва 1998, с. 18–23.

внимание будет отведено религиозному измерению как нравственному ориентиру в жизни и творчестве эмигрантов.

Одним из факторов, повлиявших на решение многих россиян покинуть родину, было гонение на Русскую Православную Церковь, осуществлявшееся новой большевистской властью. Причины данного явления вытекали как из соответствующей марксистско-ленинской идеологии, так и, из образовавшегося в течение нескольких столетий, общественного статуса Православной церкви. Со времен Петра I, после упразднения патриаршества в 1722 году, церковь в России потеряла независимость и стала инструментом государства в сфере общественного управления. В глазах интеллигенции тесная связь церкви с государством подорвала ее престиж, что в свою очередь привело в революционной атмосфере и к расколу общественной жизни на «светскую» и «церковную», ставшему причиной исторического раздвоения культуры и церкви⁶. Всероссийский поместный собор, состоявшийся в 1917 году, многое мог изменить – было восстановлено патриаршество, с которым были связаны большие религиозные ожидания верующих. Однако, революция и гражданская война осложнили положение церкви, «церковь была призвана на услуги государства, ее духовно-религиозная цель отодвинулась на второй план, а на первый встала задача государственно-политическая»⁷ – пишет Игорь Демидов.

В советском государстве была объявлена целая компания по «компрометации попов»⁸. В статье *О значении воинствующего материализма* Ленин объявляет борьбу буржуазной идеологии, а также любой мистике и идеализму⁹. Непримируемая борьба с духовенством и беспартийной интеллигенцией привела к тысячам жертв. Согласно исследованиям ученых, большевистские репрессии унесли жизни около 40 тысяч духовных лиц, в том числе 600 епископов. Число уничтоженных

⁶ С. Булгаков, *Два града. Исследования о природе общественных идеалов*, Санкт-Петербург 1997, с. 348.

⁷ И. Демидов, *Думы о православии*, в: *Литература русского зарубежья. Антология в шести томах*, 1 т. (1920–1925), 1 книга, Москва 1990, с. 332.

⁸ А. Замалева, *История русской культуры*, Санкт-Петербург 2005, с. 194.

⁹ Б. Кодзис, *Литературные центры русского зарубежья 1918–1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание*, Munchen 2002, с. 90–91.

составило 85% общего количества духовенства¹⁰. В статье Павла Милокова *Россия на переломе. Красный террор* приведена ужасающая статистика истребленных красным террором¹¹.

Первые годы XX века стали началом возрождения взаимоотношений между духовными лицами и образованной элитой. Представители Серебряного века начали проявлять интерес к метафизике, что нашло свое отражение практически во всех областях культуры. Установились тесные связи между религиозной мыслью и философией. Стоит добавить, что в возрождении религии активную роль сыграли также светские люди, некоторые из них впоследствии приняли духовный сан (например, Сергей Булгаков, Василий Зеньковский и др.)¹².

Возврат к Православию – пишет Николай Зернов – стал знаменателем конца скитаний в поисках истины¹³. Несмотря на политические и социальные трудности, культурная жизнь начала налаживаться благодаря творческой духовной силе, которой обладали эмигранты¹⁴. Согласно Надежде Пак, пережить денационализацию можно было только духовно, религиозно. Благодаря Православию русские в России и русские в эмиграции оставались «единым духовным организмом»¹⁵. Обращение к вере стало для них утешением и внутренней поддержкой в борьбе с тяготами и невзгодами изгнаннической жизни. Церковь сыграла ключевую роль в плане как социокультурном, так и духовном.

Значение церкви в жизни изгнанников не подлежит сомнению. Об этом свидетельствуют не только статистические данные, но, прежде всего,

¹⁰ См. W. Supra, *Biblia a współczesna proza rosyjska*, Białystok 2006, с. 11.

¹¹ См. дет.: П. Милоков, *Россия на переломе. Красный террор*, в: *Литература русского зарубежья. Антология в шести томах*, 2 т. (1926–1930), Москва 1991, с. 462.

¹² См. дет.: С. Пушкарёв, *Россия 1801–1917: Власть и общество*, Москва 2001, с. 518. Н. Зернов в книге *Русское религиозное возрождение XX века* пишет, что Ф. Достоевский и В. Соловьев призывали русскую интеллигенцию вернуться в Церковь и именно в христианстве искать ответы на волнующие их вопросы. См. дет.: Н. Зернов, *Русское религиозное возрождение XX века*, пер. с англ., 2-е изд., Paris 1991, с. 32.

¹³ Н. Зернов, *Русское религиозное*, с. 225.

¹⁴ М. Назаров, *Миссия русской эмиграции*, Москва 1994, с. 30.

¹⁵ Н. Пак, *Древнерусская культура в художественном мире Б.К. Зайцева*, Калуга 2003, с. 6.

численные работы, документы, воспоминания самих эмигрантов¹⁶. «Церковная интеллигенция» и вообще все люди, связанные с церковью, направляли свои действия на религиозное воспитание молодого поколения. Организовались благотворительные акции, любительские хоры, открывались воскресные школы, а также готовились духовные кадры, необходимые для функционирования церквей¹⁷. В этом отношении эмиграцию можно рассматривать в положительном аспекте, поскольку как церковь, так и беженцы только здесь сумели обрести свободу и вернуться к истинным религиозным истокам, все же в происходящем можно было отметить и отрицательный фактор. Особенно трагическим в последствиях стал раскол Русской православной церкви на зарубежную и отечественную. Уместной будет попытка охарактеризовать его главные причины и последствия.

В дореволюционный период за границей насчитывалось всего несколько православных приходов, находящихся под юрисдикцией митрополита Санкт-Петербургского, который подчинялся Священному Синоду, – органу, занимающемуся делами церкви с эпохи Петра I. В 1918 году Синод был упразднен церковным Собором и избран Патриарх, которым стал Тихон (Беллавин). Главой Русской православной церкви в Западной Европе был назначен бывший архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский) с резиденцией в Берлине (в последствии митрополит)¹⁸. Евлогий, вслед за московским Патриархом, отказался от какого-либо участия в политике ради церковного блага.

Однако, немного спустя Епископский Синод в Западной Европе распространил резолюцию о необходимости восстановления монархии в России, чему не подчинился Евлогий. Эти разногласия стали причиной раскола, ибо одни приходы и епархии признавали Епископский Синод, другие митрополита Евлогия. В 1923 году сложившиеся обстоятельства вынудили митрополита перенести резиденцию в Париж¹⁹. В Русской

¹⁶ A. Woźniak, *Cerkiew na emigracji wobec Zachodu. Rosyjski Chrześcijański Ruch Studencki*, в: „*XIV Musica Antiqua Europae Orientalia. Acta Slavica*”, red. A. Bezwiński, Bydgoszcz 2006, с. 362.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ М. Раев, *Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939*, пер. с англ., Прогресс-Академия, Москва 1994, с. 157–158.

¹⁹ Ibidem, с. 158.

зарубежной церкви митрополит нашел понимание и поддержку в вопросе аполитичности церкви.

Восстановление Православия за рубежом повлекло за собой проблемы кадрового характера – недостаток духовенства. Такая ситуация была вызвана следующими факторами: во-первых, все Духовные семинарии в России были ликвидированы, во-вторых, Русская Зарубежная церковь не имела ни одного образовательного заведения, в котором можно было бы получить духовное образование и, в-третьих, за рубежом оказалось 0,5% священнослужителей. Для удовлетворения интеллектуальных и профессиональных потребностей русской церкви в диаспоре были предприняты попытки создания религиозных обществ и заведений²⁰. Дефицит духовных кадров заставил религиозно-философских деятелей эмиграции задуматься над созданием духовного учреждения, в котором могли бы получить высшее духовное образование не только эмигрировавшая молодежь, но и те, кто уже был рукоположен. Учитывая факт, что в 1922 году в эмиграции оказался «цвет» религиозно-философской мысли, возрождение духовности эмигрантов стало насущной проблемой.

Благодаря эрудиции Николая Бердяева и его знакомствам в среде западной интеллигенции, в Берлине удалось организовать Свободное религиозно-философское общество, которое, в свою очередь, создало академию. Однако, когда Бердяев переехал в Париж, две вышеупомянутые организации тоже поменяли свое месторасположение. В 1925 году при Сергиевском подворье в Париже была открыта семинария и Богословский институт, номинальной главой которых был назначен митрополит Евлогий. Среди преподавательских кадров были как духовные лица, так и миряне: Булгаков, Флоровский, Федотов, Лосский, Безобразов, который со временем принял постриг и стал деканом после 1945 года²¹. Богословский институт собрал цвет русской религиозно-философской мысли. От поступающих в это учреждение требовался только диплом об окончании средней школы. Главным критерием отбора абитуриентов была осознанная вера, а также желание служить спасению эмиграции. В течение

²⁰ Ibidem, с. 162.

²¹ Ibidem, с. 163.

11 лет институт выпустил 133 абитуриента, 52 из них были рукоположены в сан священника²².

Кроме вышеуказанных учреждений, для сохранения и развития русской философско-религиозной мысли и богословия создавались сериальные издания. Одним из главных религиозных изданий стал журнал «Путь» под редакцией Бердяева²³. В основном, авторами статей в этом журнале были преподаватели Богословского института. На страницах этого журнала печатались не литературные произведения, а, как правило, статьи религиозно-философского характера. В свою очередь Институт св. Сергия издавал «Православную мысль», в которой затрагивались темы, связанные с жизнью церкви. К религиозной периодике относится также «Вестник Русского Христианского студенческого движения», который в отличие от других эмигрантских журналов, выделялся многосторонним представлением проблем своего времени.

Огромный вклад в развитие религиозно-философской мысли сделали, наряду с упомянутым Николаем Бердяевым, также Николай Лосский, Иван Ильин, Семен Франк, Сергей Булгаков, Лев Шестов, Лев Карсавин, Георгий Федотов, Борис Вышеславцев, Федор Степун и др. Они составили группу ученых, высланных в 1922 на «философском пароходе» по причине инакомыслия, т.е. неприятия идеологии, навязываемой большевистской властью. Большой интерес в связи с этим представляет объяснение Троцкого, которое он сделал американской журналистке Луизе Брайант: «Те элементы, которых мы высылаем и будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальное оружие в руках наших возможных врагов»²⁴. Итак, вина группы инакомыслящих заключалась не в том, что они являлись врагами России, но в том, что они представляли прямую угрозу советской власти. Работы русской интеллигенции получили широкое распространение в Западной Европе, их

²² В. Костиков, *Не будем проклинать*, с. 373.

²³ Нужно отметить, что среди творческих эмигрантов-философов Бердяев занимает особое место. Попав в эмиграцию, он сразу же занялся преподавательской работой. Несколько дней после приезда Бердяев принял участие в собрании, касающемся устройства духовной Академии в Париже, затем на открытии парижского отделения Русской религиозно-философской академии прочитал доклад *Религиозный смысл мирового кризиса*. Немного спустя, открыл курс лекций по истории русского религиозного и национального сознания. См. дет.: В. Костиков, *Не будем проклинать*, с. 201–202.

²⁴ Цит. по: В. Костиков, *Не будем проклинать*, с. 189.

философская мысль и идеи стали неотъемлемой частью культурного наследия человечества.

В эмиграции русские ученые и писатели продолжали развивать свои идеи о национальной идентичности и духовности русского народа, исследовать причины разлома Русской империи, полемизировать с большевистской философией. В трудах эмигрантов рассматривались проблемы свободы, правды и смысла жизни, смерти и бессмертия. Ключ к осмыслению русской культуры ученые зачастую находили в религиозной плоскости, поэтому неудивительно, что в их творчестве преобладают мотивы богочеловечества, «русскости» Православия и «православности» русской культуры, вопросы соотношения религий, оценка идей экуменизма. Русская религиозная философия была ориентирована на Бердяевскую идею свободы духа, в центре которой философ ставил человека. Русский христианский антропоцентризм был тесно связан с учением о соборности и онтологизмом.

Нужно вспомнить также о менее исследованных философах, Николае Зернове, Николае Арсеньеве и Федоре Степуне, наследие которых, несмотря на свою оригинальность и научную ценность, осталось в тени более известных мыслителей. Их мысли о русской культуре сосредоточились на традиции, наследии русской литературы и ее духовных ценностях, отмечает Возняк²⁵. Метаморфоз философской мысли эмигрантов заключался в том, что если в дореволюционный период их критика была обрушена на монархический строй, то в изгнании ее адресатом был уже большевистский режим, причем главным нравственным ориентиром ученых стала русская духовность²⁶.

Ключевое значение в духовной жизни эмигрантов сыграло создание Русского Христианского студенческого движения²⁷. Условия эмигран-

²⁵ A. Woźniak, *Od „skruszonego grzesznika” do „świętego rewolucjonisty”. Rosyjska myśl filozoficzna na emigracji*, в: *Kultura rosyjska w ojczyźnie i diasporze*, t. 2, red. K. Dudek, Kraków 2008, с. 14.

²⁶ Ibidem, с. 14–15.

²⁷ 1921 год является началом религиозно-культурного феномена. В этом году по инициативе профессора Николая Зернова, начали проходить регулярные встречи со студентами в его доме под Белградом. Вскоре кроме студентов активное участие в этих встречах приняли профессора и духовные лица. Похожим образом студенческие движения начали формироваться в других европейских столицах: Париже, Праге, Софии, Берлине, Литве и др. Возникшие товарищества сотрудничали с организацией YMCA, которая поддерживала их как в финансовом плане, так и в идейном. Главным органом Движения

тской жизни способствовали пробуждению религиозных чувств молодежи. Как отмечает Костиков, в дореволюционное время русская молодежь тянулась к нигилизму и атеизму, попав в эмиграцию, кардинально поменяла свои ориентиры в сторону православия, и тем самым пережила настоящее религиозное возрождение²⁸.

Существует несколько причин, имеющих непосредственное отношение к возникновению РХСД. В эмиграцию попало большое количество студентов, которые из-за гражданской войны вынуждены были прервать свое образование в России. Ад, который они пережили во время войны, стал «духовным фундаментом», на котором можно было созидать новую жизнь. Для таких студентов были организованы летние лагеря в Югославии и других странах, создавались религиозно-научные кружки, проводились встречи и беседы с духовными лицами.

С самого начала общество ставило перед собой двоякую, или, как отмечает Костиков, «двуединую цель». С одной стороны – «спасение и успокоение мятущихся и не находящих пристанища молодых душ», с другой – «спасения русской нации, оказавшейся в окружении сильной и активной европейской, а точнее говоря, французской культуры и цивилизации»²⁹.

Деятельность РХСД была весьма масштабной: организовались встречи, лекции, занятия, конференции, дискуссии, летние лагеря. Очевидным было то, что молодежь привлекает не только религиозное спасение, но также духовное, культурное и философское общение с яркими представителями старшего поколения³⁰. Адресатами всех мероприятий, организованных движением, были эмигранты не только из Парижа, но и из других городов, в которых проживали русские беженцы. Добавим, что такая масштабная деятельность движения помогла эмигрантам молодого поколения не только тверже стать на ноги, но и обрести новые духовные и физические силы для борьбы со сложившимися обстоятельствами. Наконец, почувствовать себя не потерянными изгоями,

был «Вестник Русского Христианского Студенческого Движения», издаваемый по сегодняшней день. Его первым редактором был Н. Зернов. См. дет.: А. Woźniak, *Cerkiew na emigracji*, с. 362–366.

²⁸ В. Костиков, *Не будем проклинать*, с. 262.

²⁹ Ibidem, с. 265.

³⁰ Ibidem.

лишенными дома, культуры и определенной деятельности, а людьми, хоть и живущими за рубежом, но знающими цену себе, своей религии, культуре и языку. Благодаря молодежному движению, многие эмигранты вернулись в лоно церкви или обрели веру: многие представители движения впоследствии приняли духовный сан или же стали ревнителями церковных законов.

Со временем благодаря помощи Всемирного христианского студенческого движения для студентов-эмигрантов были открыты столовые и читальные залы, организовались конференции и слеты. В 1923 году в Чехословакии, в Пржебове, на одной из таких всеевропейских конференций, участниками которой были студенческие группы и организации, произошло организационное оформление РХСД. Целью движения было, прежде всего, наладить тесную связь между «жизнью души, ума и тела». По мнению представителей организации, только при условии насыщения повседневной жизни религиозными ценностями, возможно восстановление духовных и политических основ России³¹. Таким образом, программа движения была направлена на «воцерковление» жизни, что, по словам Струве, обозначает «пронизанность» христианским духом³². Существенным является то, что студенческие съезды имели экуменический характер, ставший началом встречи Русской и Западной церквей³³. Это стало одной из причин отвержения Движения Епископским Синодом, который считал организацию «масонской» и не признал ее по причине отвержения представителями Движения непосредственного контроля за их деятельностью со стороны церкви³⁴. В отличие от Синода всестороннюю поддержку Движению оказывал митрополит Евлогий, особенно в вопросах экуменизма³⁵.

Активную деятельность в рамках Русского Христианского студенческого движения вела Елизавета Скобцова, принявшая постриг под именем Марии. Несмотря на то, что она была монахиней, и должна была находиться в монастырской обители, свою миссию она несла в миру. Она

³¹ М. Раев, *Россия за рубежом*, с. 172–173.

³² Н. Струве, *Духовный опыт русской эмиграции*, в: Н. Струве, *Православие и культура*, с. 314.

³³ А. Woźniak, *Cerkiew na emigracji*, с. 364.

³⁴ М. Раев, *Россия за рубежом*, с. 173.

³⁵ А. Woźniak, *Cerkiew na emigracji*, с. 365.

была ведущим лицом в основании миссионерских организаций³⁶. Воцерковление жизни монахиня видела в аскетизме и в полной самоотдаче другим, в любви к другому человеку. В 1935 году мать Мария создала миссионерское общество «Православное дело», которое стало духовным центром русской диаспоры. Целью общества была работа на пользу нуждающихся, а также культурно-образовательная и религиозная деятельность в приходах³⁷. Организация действовала в трех направлениях: миссионерском, благотворительном и общественно-социальном. Свои взгляды и идеи она реализовала, открывая пансионаты для женщин и мужчин, столовые, где могли питаться безработные эмигранты, санатории, где лечились тяжелобольные беженцы. Благодаря участию Фондаминского, мать Мария объезжала парижские психиатрические больницы, в которых находила душевно больных русских эмигрантов и помещала их в соответствующие лечебницы. Во всех этих учреждениях она не только занимала руководящую должность, но работала не покладая рук: убирала, готовила, шила. О духовной стороне обывателей этих учреждений заботились священники.

Для воцерковления эмигрантов кроме обществ, периодики, существовали организации, кружки, братства, которые носили скорее окологерманский, чем чисто церковный характер. В Париже особой популярностью в интеллигентских кругах пользовались воскресные вечера, организованные Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским, впоследствии преобразовавшиеся в общество с символическим названием «Зеленая лампа»³⁸. Воскресные встречи сыграли важнейшую роль в культурной жизни русской диаспоры. Общество собирало цвет русской интеллигенции: Шестова, Федорова, Фондаминского, Вишняка, Бердяева, Ремизова, Зайцева, Бунина и др. Хотя, как мы сказали раньше, эти встречи не носили чисто религиозного характера, то, по мнению Георгия Адамовича, все затрагиваемые во время встреч темы сводились к одному – Евангелию. Обсуждаемые вопросы касались жизни, смерти, литературы, эмиграции, России, современности, но для Мережковского любой спор

³⁶ См. дет.: W. Laszczak, *Życie znaczy „kroczyć po wodzie”*. *Studia o Matce Marii*, Część pierwsza, Uniwersytet Opolski, Opole 2007, с. 13–30.

³⁷ Ibidem, с. 49–50.

³⁸ Название символизировало «свет и надежду». В. Агеносов, *Литература Русского зарубежья*, с. 30.

оставался поверхностным, если не был переведен на смысл и значение Евангелия³⁹. Участники встреч в дискуссиях часто затрагивали вопросы, касающиеся духовного состояния эмигрантов. Согласно их выводам, духовное состояние русской интеллигенции было разорвано еще в до-революционный период, и с таким состоянием изгнанники попали «за борт». В связи с этим, перед литературой стояло задание: «восстановить целостность», восстановить не только тот запас, который был вывезен из России, но дать ей выйти из «кольца только русского»⁴⁰. Другим важным вопросом, волнующим участников «Зеленой лампы», была свобода духа и творчества. Свобода – это чужбина, эмиграция, пустота – говорил Мережковский, в то время как Россия воспринималась интеллигенцией как отрицание свободы, рабство⁴¹.

Важную роль в возрождении духовности представителей эмиграции сыграл бывший политический деятель, один из основателей «Современных записок», Илья Фондаминский (Бунаков). «Вдохновитель спасительной миссии в эмиграции»⁴² – так назвал его Костиков – постепенно начал отходить от своих прежних общественно-политических позиций в сторону «правых», причем его мировоззрение не заостенело на до-революционных позициях. Мироощущение бывшего эсера менялось, он немного томился программой журнала, ибо считал, что каждый журнал должен быть связан с определенным миропониманием. В основе журнала он хотел видеть принципы христианства и Православия, чего нельзя сказать о «Современных записках»⁴³. Учитывая этот факт, Фондаминский предпринял следующий шаг к расширению культурных границ русской диаспоры. В 1939 году основатель «Современных записок» организовал собрание, получившее название «Круг», протоколы которого печатались в журнале «Новый град». Постоянными участниками заседаний были философы Георгий Федотов, Федор Степун, Николай Бердяев, литераторы старшего и молодого поколений: Георгий Адамович, мать Мария, Юрий Терапиано, Василий Яновский. С целью объединения обоих поколений на

³⁹ Г. Адамович, *Одиночество и свобода*, Санкт-Петербург 2006, с. 59, 275.

⁴⁰ В. Агеносов, *Литература Русского зарубежья*, с. 32.

⁴¹ По: Б. Кодзис, *Литературные центры русского зарубежья 1918–1939*, с. 37.

⁴² В. Костиков, *Не будем проклинать изгнание*, с. 263.

⁴³ О. Михайлов, *Пролог*, в: *Литература русского зарубежья 1920–1940*, Москва 1995, с. 65.

религиозно-православной основе, Фондаминский создал «Внутренний круг», куда входили писатели, творчество которых было направлено на метафизические поиски. Он также выделял средства на издание альманаха «Круг». На страницах данного журнала были опубликованы не только произведения писателей-эмигрантов, но также статьи религиозно-метафизического и литературного характера, подготовленные представителями молодого и старшего поколений⁴⁴. На протяжении длительного времени он был близок со многими политическими деятелями, однако, окончательно разочаровавшись в эмигрантской политике, всецело посвятил себя работе с молодежью⁴⁵. Современники Фондаминского видели в нем добросовестного и чуткого человека, принявшего христианство только в лагере Освенцим, в котором он добровольно разделил участь сотен заключенных евреев. Путем самоотдачи и жертвенности Фондаминский обрел идеал христианской любви. В 2004 году в Александро-Невском соборе Фондаминский был канонизирован вместе со священником Дмитрием Клепининым и матерью Марией. В посмертной статье, посвященной Бунакову, Федотов пишет: «об Илье Исидоровиче Фондаминском трудно писать, не впадая в агиографический тон, он действительно был праведником и в христианском и в светском смысле слова, а умер мучеником»⁴⁶. Религиозный подъем эмигрантов значительным образом отразился не только на социально-общественной жизни русской интеллигенции, но и на их творческой направленности. Духовные поиски были отмечены у писателей, которые раньше в Советской России были абсолютно равнодушны к церкви, ее законам и догматам. Массовый поворот к религии был вызван тяжестью изгнания, потерей родины, гражданства, наконец, проблемами материального характера. Встречались такие изгои, которые, не выдержав психической нагрузки и обрушившихся проблем разностороннего характера, покончили жизнь самоубийством. Однако были также такие, для которых церковь и религиозность стали «спасительным ковчегом». Их преданность религии наблюдалась не только в повседневной жизни, но и на страницах литературных трудов.

⁴⁴ В. Агеносов, *Литература Russkogo зарубежья*, с. 28–29.

⁴⁵ В. Костиков, *Не будем проклинать*, с. 264.

⁴⁶ Н. Осипова, *Илья Исидорович Фондаминский*, <http://zarubezhje.narod.ru/texts/stfond.htm>

Видное место в этом процессе занимают такие представители диаспоры как Борис Зайцев и Иван Шмелев, у которых тяготение к религиозности наблюдалось еще в России. Для последнего автора Церковь и Православие, по утверждению Любомудрова, являлись главным ориентиром в воссоздании мира⁴⁷. Вопрос религии не стоит особняком также в творчестве Алексея Ремизова. Еще в дореволюционной литературной деятельности писатель разработал собственную концепцию Бога и человека, что особенно выразительно видно в *Пруде* и *Крестовых сестрах*⁴⁸. Отметим, что библейская тема занимает ключевое место во всем творчестве Мережковского. Его перу принадлежат книги-биографии как восточных, так и западных святых: *апостол Павел*, *Августин*, *Франциск Ассизский*, и ряд других. Мысль о новом христианстве, о церкви «Третьего Завета» являются очередной попыткой переосмысления Христианства и личности самого Христа⁴⁹.

Нужно также вспомнить о таких представителях эмиграции первой волны, которые, оказавшись в лоне церкви, приняли духовный сан. Среди них выделяется ученый, богослов, философ и, наконец, протоиерей Василий Зеньковский, рукоположенный митрополитом Евлогием в 1942 году. Начиная с 1926 года, он возглавляет Кафедру философии в Парижском богословском институте имени Сергия Радонежского⁵⁰. Зеньковский занял особое место в системе образования детей-изгнанников. Он организовал Педагогическое бюро, которое было исследовательским центром и занималось сбором школьного материала. Первоначально бюро обосновалось в Праге, затем было перенесено в Париж. Зеньковским было организовано также Бюро по религиозному образованию, которое помогло, в основном, мирянам в религиозном воспитании детей⁵¹. После

⁴⁷ А. Любомудров, *Духовный реализм в литературе русского зарубежья*. Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев, Санкт-Петербург 2004, с. 227.

⁴⁸ М. Sidor, *Rosja i jej duchowość. Proza pierwszej fali „emigracji rosyjskiej”*, Lublin 2009, с. 57.

⁴⁹ В. Kodzis, *Пути развития русской эмигрантской литературы межвоенного периода*, в: *Duchowość i sacrum w literaturze emigracyjnej Słowian Wschodnich*, red. A. Woźniak, Lublin 2002, с. 29.

⁵⁰ Е. Гусева, *О психологическом наследии профессора-протоиерея Василия Зеньковского (по истории российской фундаментальной психологии)*, в: *Emigracja rosyjska. Losy i idee*, red. R. Backer i Z. Karpus, Łódź 2002, с. 153.

⁵¹ М. Раев, *Сохранить и передать. Образование в изгнании*, в: *Россия за рубежом*, с. 75.

окончания курса по истории в Русском университете в Праге рукоположен был также Флоровский, сыгравший немаловажную роль в возрождении русской религиозной мысли⁵².

Внимания заслуживает культуролог, философ, богослов Сергей Булгаков, занявший особое место в русской религиозной мысли. Понятие София, как премудрость Божия, понималась ученым как посредник между миром и Богом. Ступая по пути философских заветов Соловьева, Булгаков открыл новую систему – софиологию. Всю свою жизнь философ был предан русской идее Богочеловечества, а именно обожению твари. Софиология вызвала много необоснованных противоречий и осуждений со стороны Синода Московской Патриархии⁵³. Никита Струве называет отца Булгакова «религиозным гением», считая, что в богословском творчестве и в широте затрагиваемых им догматических вопросов, равных Булгакову нет. Все его богословские работы направлены на осмысление связи между Богом и человеком, небом и землей⁵⁴.

Вышеизложенный материал раскрывает роль религии в творческой деятельности русской интеллигенции в рассеянности. Все приведенные нами факты о миссионерском характере эмиграции, о стремлении ее представителей к высшим духовным ценностям были, однако, в какой-то мере опровергнуты в статье Андрея Квакина *Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции*. Квакин утверждает, что «под прикрытием красивого слова «духовность» в наше сознание пытаются внедрить мысль об особой миссионерской роли России, противостоящей антихристам с Запада и с Востока. Знакомое опрокидывание, когда в одночасье «хорошие» и «плохие» меняются местами»⁵⁵.

В таком духе рассуждений, исследователь русского зарубежья призывает к осторожности в пропаганде эмигрантского творчества. Хотя автор статьи не занимает однозначно негативную позицию относительно наследия эмигрантов, он утверждает, что Русская Православная Церковь сыграла особую роль в отторжении русских от мировой культуры. Церковь, по его мнению, отмежевала беженцев от католической,

⁵² М. Раев, *Россия за рубежом*, с. 164.

⁵³ Т. Георгиева, *Христианство и русская культура*, Москва 2001, с. 180–181.

⁵⁴ Н. Струве, *К 50-летию со дня кончины Отца Сергия Булгакова*, в: Н. Струве, *Православие и культура*, с. 149–150.

⁵⁵ А. Квакин, *Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции. К постановке проблемы*, http://zarubezhje.narod.ru/texts/_1103/htm, информация от 3.10.2008 г.

протестантской и других конфессий, что, возможно, стало одной из причин неудачной ассимиляции эмигрантов с европейско-американской культурой⁵⁶.

Тем не менее, все приведенные нами факты, касающиеся сплоченности жизни эмигрантов с Церковью и духовными лицами, свидетельствуют об обратном. То, что о творческой деятельности эмигрантов, об их духовной жизни появляются противоречивые мнения, еще раз подчеркивает актуальность и незавершенность исследований, касающихся достоинства русской интеллигенции в изгнании.

Keywords: *Emigration, religious revival, cultural life, Russian intelligentsia*

THE RELIGIOUS REBIRTH OF THE RUSSIAN EMIGRATION

Summary

The following article is devoted to the considerations on life of Russian diaspora in religious context. The famous periodicals and the activity of the scientific circles of religious or proorthodox character were investigated. Their role in a moral rebirth and return to faith was assessed. Such processes as the establishment of religious organizations and development of spiritual life of Russian emigrants were shown on the basis of the activity of individual emigrants. The cultural life of Russian who live in exile was in total contradiction with a life in Bolshevik Russia. The rebirth of religion on enormous range – that was the answer of Russian emigrants to atheism of fighting revolutionaries. In fact the Russian intelligentsia returned to the Orthodox faith which that time was the only spiritual power rebirthing the spiritual life in Russia. Such factors as the depoliticization of the Russian Orthodox Church, events in Soviet Russia and life in exile were responsible for this situation.

Translated by Sylwester Jaworski

⁵⁶ Ibidem.

RELIGIJNE ODRODZENIE EMIGRACJI ROSYJSKIEJ**Streszczenie**

Niniejszy artykuł został poświęcony rozważaniom nad życiem rosyjskiej diaspory w aspekcie religijnym. Przedmiotem badań stały się znane periodyki oraz działalność kół naukowych o charakterze religijnym bądź procerkiewnym. Oceniono rolę tych podmiotów w moralnym odrodzeniu rosyjskiego społeczeństwa i powrocie do wiary. Na przykładzie działań poszczególnych przedstawicieli emigracji pokazano proces powstawania organizacji religijnych i rozwój życia duchowego Rosjan na wygnaniu. Życie kulturowe emigracji było całkowitym zaprzeczeniem tego, co działo się w bolszewickiej Rosji. Odpowiedzią rosyjskiej diaspory na walczący ateizm rewolucjonistów było odrodzenie religijności na niespotykaną dotąd skalę. Oderwanie od ojczyzny z jednej strony oraz wydarzenia w Rosji radzieckiej i depolityzacja Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej z drugiej sprawiły, że rosyjska inteligencja powróciła do prawosławia, będącego wówczas jedyną duchową siłą odradzającą jej duchowe życie.